

Айтматов, Бибигули

13/III/86 77

Лит. газета - 1986 - 13 апреля - С. 4

Беседа за рабочим столом

Встреча нашего корреспондента с Чингизом Айтматовым состоялась вскоре после VIII съезда писателей страны, и, естественно, разговор начался именно с этого вопроса — о съезде, о проблемах, которые на нем поднимались.

— Должен сказать и, думаю, выражу общее убеждение — нынешний съезд заметно отличается от предыдущих. Тут есть, разумеется, свои причины, своя логика. Время, которое переживает наше общество, — это время больших усилий к тому, чтобы добиться решительной перестройки во всех сферах бытия, а главное — в умонастроении, в психологии людей, без чего не может состояться подлинное обновление, ибо все остальные факторы упираются в начальный и конечный фактор — человеческий. В духе времени прошло и наше большое писательское собрание. В серьезных, острейших, творческих и страстных выступлениях, обличивших круг важных проблем, коренных, концептуальных вопросов жизни и литературы — таких, как упорядочение социальной справедливости, экологические тревоги, заботы о развитии национальных культур в современных условиях. Разумеется, подняты были и организационно-творческие, профессиональные вопросы, волнующие литераторов сегодня.

— Вы не выступали на съезде, а если бы вышли на трибуну, то о чем бы говорили?

— К сожалению, в этот раз я не успел подготовиться по объективным для меня причинам. Ну, а если бы выступал с трибуны, то говорил бы прежде всего о проблемах национальных, о взаимности культур, литературы, языков. Эти вопросы для нас жизненно важны, поскольку наша страна федеративная, многонациональная, и то, что происходит в каждой из республик, имеет непременно и общее значение. Возможно, мы не всегда об этом думаем. Но это именно так. И от того, как развиваются национальные литературы на местах, насколько современны и своевременны задачи, которые они решают на своей национальной почве, и вместе с тем в общем контексте единого для всех нас социалистического образа жизни, во многом зависит гражданский, нравственный, духовный потенциал человека — что несет он в себе своему обществу и миру; гармонично отношений или трудносостовимости, высоту национального духа, желание уважать инациональные ценности и в той же мере быть уважаемым как представитель определенного народа, или высокомерие, равнодушие к другим, говорящим на иных языках. Это вопросы не академические, а самые что ни на есть насущные, повседневные и оттого неотлагаемые. И в этом деле нам тоже необходима гласность — как знамение нового в новом мышлении.

— Культивировать гласность — таково веление времени.

Я уже говорил на партийном съезде у себя в республике и сейчас хочу повторить: надо отрешиться от старых измерений и сопоставлений, сбросить навсегда их путы. Мы все еще, обращаясь к сегодняшним национальным культурам, вспоминаем, что была когда-то малограмотность, бесписьменность, и ссылаемся без конца на эти факты в своем осмыслении сегодняшней действительности. Как будто бы мы все еще живем в эпоху лихведа, красных и черных досок. Но они уже давным-давно — ушедшие и не могут сегодня служить точкой отсчета. Нельзя сейчас, положим, нашу индустрию, вообще экономику сравнивать с 1913 годом. Это глупо, не лезет ни в какие рамки — на дворе другое время, другая научно-техническая революция, и в подходе к развитию национальных культур, национальных культур должно быть другое измерение: нельзя уже ликовать по тому поводу, что все умеют читать и писать, что есть газеты, радио, телевидение, театры и т. д. Все это так, и хорошо, что так. Но нельзя же этим загораздиться от вновь возникающих, живых проблем живого, действующего народа и его культуры. Если бы я выступал на съезде, то сказал бы своим собратям по литературе, особенно публицистам и критикам: не надо изображать дело так, будто в наших национальных сферах все решено и нет никаких проблем. Не надо приводить в качестве примеров эти элементарные вещи, но об этом следует твердо размышлять. А о том, насколько глубоко и демократично развивается национальная культура, национальное самосознание в системе нашей интернациональной структуры. Интернационализм — не арифметика, не сумма слагаемых, в алгебра многих национальных культур, имеющих свою самостоятельность. И в то же время эта самодостаточность немислива без определенного общего знаменателя для всей нашей духовной культуры, без активного использования достижений более высокоразвитых культур. Вот об этом нам стоит говорить и в этих вещах пытаться разбираться.

Например, развитие национального литературного языка. Что происходит в нем, какие процессы? Предполагая, замствования — насколько они естественны, органичны, своевременны, не идут ли они подчас от консерватизма, мышления, от лености ума, когда механически, а то и лести ради из одного языка переносят что-то в другой.

Я сразу хочу оговориться: общеизвестно, что русский язык — великий язык, и толковать сегодня о его роли для всех национальных культур страны равносильно тому, что ломиться в открытую дверь. Русский язык — великий, но это не означает, что не надо обращать внимания на внутренние закономерности другого национального языка и привносить в него, в частности из русского, то, что можно и не привносить. Курьезным фактом в этом смысле являются названия двух областных газет, выходящих на киргизском языке, — одна из них называется «Ысык-Көл правды», а другая — «Нарын-Кавказ». Меня это глубоко оскорбляет. Что же это за народ с тысячелетней историей для племен, у которого в языке отсутствуют сло-

ва «правда», «истина», «справедливость»? Кому нужен такой коверный русский язык и унижение киргизского, в котором только синонимом понятия «правда» насчитывается около десятка? Развитие национальной литературы, какие бы талантливые писатели ни трудились в ней, связано с целым рядом других факторов, с общей культурой народа, с его образованием. Во Фрунзе киргизские школы не прибавляется, а строится их сотни. Давно назрела пора открыть в столице республики детские сады с киргизским языком. Никто сему не препятствует, но никто и не задумывается, а ведь все это в современных условиях приобретает жизненно важное значение для народа. Что же это за национальная культура, которая не имеет своей базы?

Но когда подобные болевые мысли высказываются, то тут же находят люди, которые начинают рассматривать это как проявление национализма, узости взглядов. К сожалению, этот зуд сверхбдительности, проистекающей в незначительной степени от карьеризма, не встречает должного осуждения. Необходимо отметить в связи с этим, что в результате такой тенденции пошла на местах острая тенденция демагога — говоруна-трибунчика, который сделал для себя восхваление русского языка к месту и не к месту и умаление собственного чуждым не престижной профессией.

Умаление собственного национального языка, национальной самобытности — одна крайность, но есть и другая, противоположная ей, которая тоже вызывает возмущение. Я говорю о тенденции видеть свой народ только на Доске почета, видеть одни лишь достоинства, плюсы и не замечать минусов в его жизни. Понятное, объяснимое желание, но антиидеологическое, являющееся в какой-то мере торжеством на пути обновления.

Когда мы теоретически предполагаем, что со временем, в каком-то отдаленном будущем все языки сольются и будет только один или два языка в мире, захватывающие этой перспективой, вряд ли мы отдаем себе отчет, что мир от этого обеднеет. Эти «победившие» языки не будут иметь окружающей подпитывающей среды. Однообразие не может обеспечить развития. Поэтому важно сохранить как можно больше многообразия языков. В наше время информационного взрыва, когда возникли условия, нивелирующие все и вся, языковое жидководство никому не поведет на пользу. Я все-таки стою на том, чтобы было множество литературных языков и чтобы у них были основательные возможности существовать и развиваться.

Бессмертия народа — в его языке. Каждый язык велик для своего народа. У каждого из нас есть свой сыновий долг перед народом, нас породившим, давшим нам самое большое свое богатство — свой язык: хранить чистоту его, приумножать богатства его.

Но вот мы сталкиваемся с новой диалектикой истории. Современное человеческое общество находится в постоянном и всевозрастающем контактировании, что все более становится всеобщей жизненной и культурной необходимостью. В этих условиях каждому человеку следует владеть несколькими языками. В литературе некоторых республик ныне возникает явление двуязычия. Я, кстати, принадлежу к писателям-билингвам. Пишут, как известно, на родном языке и на русском В. Быков, И. Друзь, М. и Р. Ибрагимбеков, Т. Пулатов... Я знаю много людей, хорошо владеющих несколькими языками — и народами нашей страны, и иностранными. Огромный мир литературы, культуры распахнут перед нами. Я уверен, что это путь будущего, — прекрасный мир должен быть распахнут перед всеми. Недавно я имел встречу с группой молодых алжирцев-гимназистов — они хорошо знали русский язык, безусловно, своей родной — арабский и превосходно французский... А одна молодая преподавательница еще и барберский язык. В них я вижу модель будущего.

— Я хотела бы повернуть беседу в сторону вашего творчества и обратиться к новому роману «Плаха», публикация которого началась в киргизском журнале «Нового мира», а в августовском была продолжена.

Как заметил Альберт Швейцер, простое размышление о смысле жизни — это само по себе имеет ценность. Герои ваших произведений, если говорить об их нравственно-философской наполненности, остроте, пытаются постичь сложную правду жизни, ее смысл, конечно, каждый на своем уровне, будь это уровень мудрого мышления старой крестьянки или сложной «материальной» поле или Тагнаева в «Прощай, Гульсары», которого называю «мужиком-философом». То, что вы писали в свое время о Едиге, о его познании мира и себя самого, мне кажется, процветает в какой-то мере на новый роман, свидетельствует, что еще тогда у вас забрезжил его замысел: «Мой герой Бурханбай Едигей много и напряженно размышляет о смысле человеческого бытия... Есть люди, для которых этот вопрос связан с верой в бога, но для большинства из них бог является не чем иным, как формой нравственности, совести, самосознания. Во всяком случае, «одной из форм». Вот и мой герой — советский труженник, в «Плахе» — над этим вопросом задумывается, и ответ приходит не так просто, как в выступлениях заезжего лектора».

— Действительно, в преддверии романа «И долгие века длится день» уже прозвучали эти нотки. Они прозвучали в размышлениях Едигея в тот час, когда он хоронил своего друга Казанбага. После трудных и мучительных поисков места для захоронения, перед тем как совершить последний обряд, Едигей обращается к богу: «Я хочу верить, что ты есть и что ты в поминках моих. И когда я обращусь к тебе с молитвами, то на самом деле я обращаюсь через тебя к себе».

Как видите, хотя Едигей и взывает к всевышнему, по сути, он обращается к себе самому, потому что никто, кроме него самого и ему подобный, не разрешит его сомнения и тревоги. Если Едигей, так сказать, стихийный, протонародный мыслитель, не имеющий философской оснастки, то герой нового романа «Плаха» Авдий Каллистратов предпринимает себя к богословской деятельности, но чем-то он родственен друг другу — видимо, отношению к жизни, каждой справедливости, чувству добра. Совершенно разные, тут Едигей и Авдий соприкасаются.

— В первой и второй частях романа несомненно линии: Авдий Каллистратов — советский труженник, авантюрист, семьи волков, но ясно, что главным для вас все-таки — Авдий Каллистратов. Думаю, этот образ — неожиданный даже для тех ваших читателей, которые привыкли, что каждое последующее айтматовское произведение никогда не повторяет предыдущих, отличается тематической, художественной новизной. В «Плахе» впервые у вас основное действующее лицо произведения — русский человек.

— Да, Авдий — русский, но я рассматриваю его шире — как христианина, хотя то, что в нем происходит, полагая, касается и тех моих современников, которые своим происхождением связаны с иными вероисповеданиями. В данном случае я попытался совершить путь через религию — к человеку. Не к богу, а к человеку! Из всех линий романа для меня, безусловно, главная — Авдий, его искания.

— Но вы все-таки не случайно выбрали на роль главного героя христианина, а не мусульманина, снажам.

— Разумеется, не случайно. Христианская религия дает очень сильный послы фигурой Иисуса Христа. Исламская религия, в которую я включен своим происхождением, подобной фигуры не имеет. Мухаммед — не мученик. Случались у него тяжкие, мучительные дни, но чтобы идею распяли и чтобы он это прости-

которой А. Твардовский, публикуя ее в «Новом мире», дал название «Джамия». И свою первую книгу на киргизском языке вы назвали «Мелодия» — «Оавон», не так ли?

— «Плаха» есть очень важный в философской структуре романа эпизод — когда Авдий Каллистратов слушает в Пушкинском музее старобалгарские храмовые песнопения. На их воле ему открылась суть прочитанного однажды грузинского рассказа, вернее, баллады «Шестеро и седьмой». В этих произведениях легенда, притча, сказка, песня играют существенную роль. Вы придумали эту балладу, ведь такой нет на самом деле? Или это парафраза старой грузинской баллады? Какую смысловую нагрузку она несет? Разная баллада, гибель седьмого я прочла как несомненное этики отдельной личности и общества. Седьмой, не колеблясь, убивает шестерых, ибо если враг не сдается, его уничтожают — во имя общего дела, во имя идеи. Но как человек он не выдерживает этого своего поступка, для него убийство безразлично. И, конечно, очень существен тот момент, что о причинах, побудивших

нар, написанные с поразительной психологической, эмоциональной силой...

— Киргизский фольклор очень насыщен животным миром, потому что это фольклор скотоводов. И рядом с гермом — обязательно его конь. С конем связаны киргизские психологические «куски» в великом «Манасе», например, когда повествуется о конных состязаниях, — это происходит с человеческой душой в эти мгновения, какие страсти в ней всплывают, какие безумные столкновения случаются между людьми. Есть у нас удивительный, очень древний эпос «Коджоджаш», который восходит к тем временам, когда человек и природа, животный мир еще не были расчленены, не были разделены. Один его мотив я использовал в «Прощай, Гульсары». Эпос рассказывает о том, как молодой удалой охотник Коджоджаш — кормилец племени истребляет в горах всех диких коз. И однажды к нему с мольбой обращается Серая хромая коза. Она просит не убивать ее и старого Серого козла, потому что, кроме них, никому продолжить род. Серая коза неосторожно задевает его самолюбие, сказав, что если он не оставит их в покое, то навечью на себя страшную кару. Охотник смеется над ее словами: что может она ему сделать? — и убивает старого козла. Серая коза, хоть и хромая, убегает от него, и догоняя ее, он оказывается на таком недоступном скалах, откуда ему нет спуска вниз и хода вверх. «Вот твоя кара», — уходит, горюхит ему коза.

Так в мышлении древних вырисовывался экологический тулик. Конечно, у этого эпоса могут быть самые разные толкования. У меня такой вариант: есть в древоуности человек предостерегал себя от неразумного отношения к природе, и в частности истребления животных даже ради своих жизненных потребностей. Еще тогда обозначились эти аспекты экологических проблем, наших сегодняшних забот.

— Так что истоки моего столь пристрастного отношения к животному миру еще и туда уходит конями, в киргизский национальный фольклор.

— В пренях ваших вещей Тагнаев и его конь Гульсары, Едигей и его верблюд Каранар — это если можно так сказать, родство душ, близость судеб, их нераздельность. А в «Плахе» волки возвышаются над человеком, над его низменными повадками. Во время облыни на сайганы в монгольской сказке, «а в этом азиатско-диалектическом беззастенчивом Алгаре явилось лицо человека. Явилось так близко и так страшно, с такой четкостью, что она унаследовала...».

— Зверю видится зверь.

— Притом Алгаре, хищнику, этот зверь-человек кажется страшным. Семья волков в романе находится как бы между двух человеческих миров. С одной стороны, планета людей в лице Авдия с его гуманным отношением ко всему живому, человечеством, желанием понять причины падения судеб, потерь и не только нравочужающим, но и личным участием, с его жаждой любви — «никогда не предполагал, что думать о любимой женщине и писать ей письма станет смыслом моей жизни... я не перестаю любить до самой смерти...». С другой стороны, планета людей — «хунта» как наречия себя команда испокон веков, законная, и молодые гонимы за анахоризм. У «хунты», по сути, ничего человеческого нет, а у волков — семья, усы, привязанности, родительские чувства. Этот контраст мне видится с самого начала. Он подчеркивается сценой в Пушкинском музее, когда перед поездкой в степь с добрыми намерениями Авдий слушает бофисских певцов: «Какой контраст — бофисские гимны и темные страсти привокзальных Утгопов по дурному дымному дурной травы». Не знаю, сознательно ли создавался такой архитектурный первый и второй части романа, но я, во всяком случае, увидела контраст довольно четко.

— Он происходит до самого конца романа. И в третьей части семья волков, их трагическая история тоже находится между двух миров, связана с историей двух семей, двух противоположных людей — чабанов Бостона Уркучибева и его недруга Базарбая Нойтугова. Они — антиподы, как Авдий Каллистратов и Гришан — главарь авантюристов, обращающий молодые души в свою веру: «на свете все продается, все покупается», «денги — это все».

— Почему вы «заболели» проблемами молодежи?

— Они, по-моему, сейчас очень обострились. Я помню себя студентом. Мы только что пережили войну, только стали приходить в себя, было много трудных, сложных моментов, но в наших молодых душах, подчас наивных, инфантильных, бурлив дух коллективизма, интернациональной сплоченности. Может быть, tutto способствовало война — общая беда.

— В ваших «Ранних журавлях» это очень хорошо показано.

— А сейчас я не хотел бы быть молодым.

— По возрасту...

— Разумеется, по возрасту. Хотя мне это и не дано, но я не хотел бы быть юном. Мне как-то неуютно среди нынешней молодежи.

Мы сами, наверное, виноваты в том, что происходит с неоперившейся, юной частью общества. В условиях благоденствия, а мы, так же говорю, благоденствуем, тут у нас голодных, нищих, бедомам, — издержки нравственного воспитания, отсутствие какой-либо внутренней культуры приводят к потребительству, иждивенчеству, вешизм, когда во главу угла ставится материальный фактор, когда духовный потенциал приближается к нулевой отметке.

В значительной мере, я считаю, тут виновата семья, а еще больше — школа. Она, на мой взгляд, не соответствует тем возрастным требованиям времени и противоречиям, которые мы испытываем. Я беседа недавно с человеком, одержимым идеями реформы, но той, которую мы сейчас пытаемся осуществить, а другой — глубокий, коренной, могущей превратить школу, действительно, в очаг гармоничного разностороннего развития, образования, воспитания. Когда буквально с двух-трех лет начнется приобретение детей к посильному труду, раннее приобретение литературы, музыки, живописи. Предполагается, что группы будут маленькие, что к детям будет индивидуальный подход.

— Кто же пойдет на такие затраты?

— На народном образовании экономить нельзя, просто нехорошо. Переуплотнение классов даже при наличии прекрасных учителей отрицательно сказывается на качестве знаний учащихся, да и на морали. Когда мы с помощью одного учителя обучаем полсотни детей — это же не обучение, а профанация его.

На съезде Компартии Киргизии я высказал эту свою тревогу, на примере ведущей школы № 5 в городе Фрунзе говорю о том, что ни Госплан республики, ни Министерство просвещения, ни Фрун-

Чингиз АЙТМАТОВ: ЦЕНА ЖИЗНИ

Фото А. КАРЗАНОВА

людям навсегда — такого нет. Иисус Христос дает мне повод сказать современному человеку нечто сокровенное. Поэтому я, атеист, столкнулся с ним на своем творческом пути. Этим же объясняется мой выбор главного героя, то, что Авдий Каллистратов именно такой, какой он есть.

— Читал «Плаху», волею неволею обращаешься к Достоевскому — князю Мышкину, Алеше Карамазову... А ваши Понтий Пилат и Иисус Назарянин заставляют вспомнить Булгакова...

— Что я могу сказать по этому поводу? Мне приятно слышать это вовсе не потому, что я хочу как-то по-панбратски потягаться рядом с великими предшественниками. Работа в данном случае так сложилась, что я соприкоснулся к тем же проблемам, которые когда-то нашли свое осмысление у них. Это вечные категории — вечные проблемы, к которым не только я, но и многие другие, в том числе и вы, приходите проходить через муки и кровь, через национальную трагедию, и это может выразиться в музыке, песнопениях, не только славящих борьбу, подвиг, запечатлевших радость победы, но и, наоборот, заставляющих сожалеть, печалиться о жертвах.

— Роман называется «Плаха». Я оплывал слышала о другом, видимо, первоначальном названии — «Круговращение», наткнувшись в тексте на его «отзвуки»: «...мне предстоит... погрузиться в совсем иную жизнь, ту, что колоритно испокон веков в омузах суеты и КОЛОВАЩЕ-НИИ...». «...через все КРУГОВАЩЕНИЕ...».

— Действительно, я собирался — и это намерение остается — написать большой синтетический роман «Круговращение», который должен был вернуть в себя и историю Авдия Каллистратова, и историю семьи волков, и многое другое. Воплощенный замысел — соединить разные сюжетные линии, разные времена в единое целое оказалось очень сложно. И поняв, как долго мне предстоит поработать над этой вещью, я решил историю Авдия написать отдельно. Я не предполагал, что она выльется в роман, думаю — будет небольшая повесть, но она подверглась саморазвитию.

А название «Плаха», мне кажется, вытекает из содержания романа: Плаха — это не только помост, где совершают казнь, но и место, где человек в течение своей жизни так или иначе оказывается перед плахой. Иногда он восходит на эту плаху, естественно, физически остается живым, иногда не восходит. В данном случае название говорит о том, какой ценой дается плаха, восхождение к ней, и есть ли в этом смысл, в этом пути на крестную муку.

— Роман начинается трагической нотой, пронзительными страницами о страданиях, кровавом побое в унизительной сайгачьей сваяне, историей вольской семьи. Для ваших читателей обращение к миру природы, к образам животных не ново — инходец Гульсары, верблюд Каранар, теперь волки, Анбара и Ташанар, которые вы называете «Мелодия», имел в виду музыку любви, — верно? Ту повесть,

венский горисполком, ни соответствующие отделы ЦК годами и десятилетиями не могут решить проблему этой и других школ, в которых количество учеников все более увеличивается, утраивается, а стены и бюджет остаются прежними. Обществу должно себя в чем-то серьезно умирить, но пойти на затраты в просвещении. Тогда мы сможем реально вести речь о научно-техническом прогрессе, тогда во множестве появятся таланты, умы с высоким нравственным, духовным потенциалом.

И комсомол, на мой взгляд, должен думать о себе, по-моему, он сильно заругинизировался: не чувствуется его боевой, объединяющий, мобилизующий, магический дух. Полагая, и ему надо перестроиться, чтобы эффективнее воздействовать на молодежь, играть в ее жизни такую же роль, как в дни мой юности, а мое поколение искренне называет свою юность комсомольской. Это не пустое слово.

— Валентин Распутин сказал в связи с этим, что если бы Пушкин слушал не сказки и песни Арныя Родюновны, а песни модной эстрадной певицы, то из него получился бы не Пушкин, а Дантес. Это, разумеется, гиперболы, полемические заостренные преувеличенные писателя, озвучивающего духовную жизнь молодых современников. И дело не только, вернее, не столько в песнях одной певицы, сколько в том, что разрывное море дешевой, безликой песенной мурлы, которая только и может, что развлекать, отвлекать, завлекать, но не способна вовлечь в духовную работу, пробудить «чувства добрые», заполнить часы досуга молодежи.

— А пока ради забавы жестоких западных фильмов с погонями, избиениями, убийствами взрослые люди могут отнестись к этому критически. А дети, подростки, неопытные, неразборчивые, подхватывают механически, впитывают, подражают.

Никто за нас не будет воспитывать нашу молодежь, формировать юные души. И нельзя благодушевно надеяться, что ничего страшного не происходит: сейчас они жестокие, бесцеремонные, высокомерные, а подрастут — исправятся, мы их исправим. Не исправим. Исправляет трудное. И полагаю, что если мы даем массовое среднее образование, то это решит все проблемы, — так полагают по меньшей мере мы. Наоборот, чем выше уровень грамотности, тем больше трудностей, сложностей в воспитании, надо быть более тонкими в своих методах, в своих приемах, более изощренными, гибкими.

— Чем вы располагали, какими реалиями, фактами, когда вели айтматовскую линию романа?

— К этой теме я тоже, конечно, обратился не случайно. Горькое письмо матери двух сыновей-наркоманов, написанное недавно в «Литгазете», — еще одно подтверждение существования этой болевой проблемы. Долгие годы мы сами от себя скрывали нашу боль, и меня волновали, естественно, вопросы: почему у части нашей молодежи возникает эта болезнь, какие существуют причины, семейные, личные, допускающие возможность такого порочного явления в нашем обществе? Откуда и как подступают они исподволь к нам? Что, какие социальные неурядицы толкают юные души на этот губительный путь?

— Не они — мы должны думать и отвечать перед самими собой.

Однажды я поехал встречать поезд на очень далекую степную станцию. Поезд задержался на несколько часов, я бродил, не зная, куда девать себя, и один милиционер, видимо, узнав меня, предложил посидеть у них в отделении. Когда я вошел в служебное помещение, то увидел: в одном углу в железной клетке находились мальцы, задержанные на товарных поездах за провоз наркотической ахачи. В другом углу — естественные улки: рюкзак, сумки, чемоданы с той самой ахачи. Мне стало дурно. Помочь им я не мог, потому что дело уже приняло юридический оборот. Письмо несчастной матери в «Литгазете» снова заставило меня вернуться к тому, о чем я думал тогда, о чем следовало хоть в публицистической форме, но обязательно написать: да, они нарушили закон и заслуживают кары, но им надо помочь, мы обязаны это сделать, их необходимо лечить, искать способы исцеления.

— Почему продолжение «Плахи» появилось не в седьмом номере «Нового мира», а в восьмом? Когда выйдет третья часть романа?

— Эти вопросы мне задают многие. Я не успел вовремя вычитать верстку. Поэтому вторая часть романа была перенесена на восьмой номер, а в девятом публикация должна завершиться.

— Чингиз Торекулович, можно узнать, что вы сейчас читаете?

— Я был занят «Плахой» и не смог пока прочитать некоторые книги, которые очень хотел бы прочитать. Начал знакомиться с новой книгой А. Адамове «Ничего важнее». И хотя в предговорке ее значится «Современные проблемы военной прозы», даже по тем страницам, которые я успел прочитать, можно судить, что диапазон книг намного шире — актуальные проблемы не военной прозы только, а всей нашей художественной мысли, всей литературы, и не литературы только, но и жизни. Не сомневаюсь, что эта душа, которая называется Алесь Адамович, опять заставит меня думать, страдать, будет увлекать меня через страдания и переживания, к чему-то добром, настоящему. — в этом я не сомневаюсь: он уж так, и только так мною воспринимается. В новой книге он ведет разговор об этике и нравственности, о том, что сегодня много пути, кроме гуманизма, нет.

— Мы и сейчас выступаем противя несоциального понимания гуманизма, ис, с другой стороны, в ядерную эпоху, когда над человечеством, над цивилизацией нависла реальная угроза их исчезновения, у нас более широко, чем прежде, проявляется о гуманизме. Мы пытаемся найти универсальный подход к общечеловеческим проблемам. Сейчас, когда мы достигли такого уровня технического состояния и такого уровня противоречий, когда человечество в нравственном отношении не поспевает за теми достижениями, которые оно создает с помощью разума и рук своих, чрезвычайно важно, чтобы литература и искусство своими средствами оказали максимальное воздействие на человека, сказали ему, что нет таких убеждений, целей и эдак, цена которым — жизнь человечества. Надо навсегда затвердить всечеловеческую заповедь для всех — только мир, и ничего иного!